

ГРИНЕВИЧ А. О. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ГРИНЕВИЧ Анатолий Октавианович, родился в 1889. Получил среднее образование. С 1914 — актер в театре, с 1931 — проживал в Виннице, работал заведующим плановым сектором в пресс-фото. Женат на Наде Францевне Гриневич, в семье — двое детей. С января 1935 — проживал в селе Закупное Чемировецкого района, работал плановиком-экономистом на Известковом заводе. 26 февраля 1936 — арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь¹.

В июле 1936 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его жена, Надя Францевна Гриневич.

<24 июля 1936>

«Многоуважаемая тов<ариц> Пешкова!

Мне хочется описать Вам свою тяжелую историю и то безвыходное положение, в которое поставила мне судьба. Вы, спросите "зачем?" Я отвечу Вам прямо: "Хочу найти человеческое отношение моральную поддержку от опытного, знающего человека".

Мне 26 лет. Моя жизнь окончена, оборвана на половине, без всяких средств, без родных и друзей, разбитая, больная нравственно и физически, полуголодная, я влачу жалкое существование. Вот уже 5 месяцев как я страдаю невыносимо... с двумя детьми — сыну 4 месяца и дочери 7-й год, не себя мне жаль, нет, а моих ни в чем неповинных крошек. Итак, я хочу быть последовательной и постараюсь вкратце изложить мои тяготы. Мой муж Анатолий Октавианович Гриневич с 22-х летним стажем на поприще актерства, но уже 5 лет, т<о> е<сть> с 31 года оставил сценическую деятельность и переквалифицировался на плановую работу. Работал в Виннице в пресс-фото, заведующим плановым сектором, попутно заместителем директора, был неоднократно премирован окладом жалования и путевкой в Крым. Затем он получил назначение из Киева в Закупное Чемировецкого района на Известковый завод ЮЗА, тоже плановиком-экономистом, мы переехали туда 13 января 1935 года, сняли крестьянскую халупку и стали существовать. Вот тут-то и есть то страшное начало — гибель моей крохотной жизни: он также вел там общественную работу, организовал драм<атический> кружок, ставил пьесы, устраивал вечера самодеятельности, в которых также принимала участие и я, но потом, когда беременность моя стала заметна, я перестала посещать клуб. Муж работал честно и добросовестно, помимо того что он посещал цеха, зачитывая рабочим статьи нашего вождя т<оварища> Сталина, он всячески подымал Стахановщину, борясь за производительность труда и выполнение пром<ышленно->фин<ансового> плана. Первый план в течение 6-ти дней мой муж отвез в Киев, получил благодарность от т<оварища> Шойхида, добавку жалования 50 р<ублей> и был премирован 300 рублями, правда, он эти деньги разделил между директором завода, техноруком и статистиком, а домой принес 105 р<ублей>, но не в этом конечно суть. Когда мой муж проводил Стахановский вечер в клубе завода, он поставил спектакль, в котором принимали участие рабочие завода, а муж играл роль пьяного человека, пропившегося, обездоленного, его выбрасывают из союза, из партии, его бросает жена, отказываются от него дети, он пьет запоем. И вот в один из дней на него находит просветление, он хочет вернуться к жизни, к работе, к семье, его прощают в последний раз, он торжествует и, когда все расходятся, у него начинается борьба, водка заглушает все перспективы на будущее, соблазн делает свое дело, он снова достает бутылку из

¹ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

кармана. В зале гомерический хохот разгулявшейся рабочей молодежи, слышится браво и окрики, под этот общий энтузиазм мой муж, который некстати тоже был выпивши, произносит глупую, недостойную его фразу: "Стахановцы не пейте воды, а пейте все-таки водку". Через несколько дней у нас был произведен обыск, и мой муж был арестован, это случилось 26-го февраля 1936 г<ода> — самый тяжелый день в моей жизни. Я осталась со своей девочкой, в последних днях тяжелой беременности, в чужой стороне, среди чужих людей с тремя рублями в кармане. 21-го марта в безумных муках в мед<ицинском> пункте при коптящей пятилинейной лампе с помощью старика-акушера и повивальной бабки я родила сына; добрые люди помогали мне, не дав умереть с голоду. А 11 апреля моего мужа привезли на суд. Судили его на станции Закупное, судил киевский дорожный суд, не принимая во внимание ничего, ни то, что он проработал 22 года на культурной работе, никогда ничем не был замечен, никогда не судился и вынесли жестокий приговор с лишением свободы на 3 года. За что?! Я горько плакала, стоя под дверью, за которой судили ни в чем фактически неповинного дорогого мне человека, отца честного и преданного моим детям, на руках плакало мое дитя. Слабость... переживания, несправедливость суда, безвыходное положение, преклонный возраст моего мужа, 47 лет, свалилось все в одну громадную глыбу горя, и давило меня. Уважаемая т<оварищ> Пешкова, у меня нет сил описать тяжесть моего непосильного горя, моих чудовищных переживаний. Мы сообща с мужем написали кассационную жалобу в Верховный суд. Через месяц я покидала Закупное, принесшее мне столько горя в моей счастливой семье. С большими трудностями я добралась к сестре с множеством дорожных неудач, с пересадками, которые отняли у меня последние силы. У сестры я нахожусь и сейчас. Я получаю от мужа тревожные, тяжелые письма. Чем и как я могу помочь ему? Спустя три месяца после тюремного заключения пришел ответ на кассационную жалобу: подтвердить приговор лишением свободы на 3 года. Статья, по которой обвинили моего мужа 54-10, якобы, он использовал сцену для контрреволюционного выступления.

Я так почему-то надеялась на кассацию, поддерживала в себе этот тлеющий огонек! Я верила в правду, в силу и незыблемость советского закона, я знала, что он должен разобраться и стать на сторону истины дела! За что, за что такая жестокость. Что мне теперь делать с моими детьми. Я обращаюсь к Вам с большой человеческой просьбой помочь мне добрым советом, могу ли я рассчитывать на какую-либо материальную поддержку со стороны государства, в какую высшую инстанцию мне обратиться, чтобы облегчить суровость приговора. Дети голодные, квартиры у меня нет, дети раздеты... идет зима со своими леденящими душу и сердце днями, недостатками, безумной заботой о завтрашнем дне. Пособия в соцстрахе я также не получила, т<ак> к<ак> я не член союза, а все справки мужа и членскую книжку присовокупили к делу, и я не знаю, как мне получить деньги на ребенка? Мне жаль до боли в сердце своих детей, девочка моя Инга очень способный ребенок, она хорошо рисует, читает стихи, танцует, хорошо пишет. Сын мой Георг здоровенький, упитанный ребенок. Я умоляю Вас, ответьте мне на мое письмо и интересующие меня вопросы, от которых зависит моя дальнейшая жизнь. Бесконечно заранее благодарю Вас. Шлю искренний привет и лучшие пожелания.

Ув<ажая> Вас Надая Гриневич.

Мой адрес. Г<ород> Житомир, Мало-Вильская ул<ица>, дом № 26, кв. 2. Яновскому. Надае Францевне Гриневич.

P. S. Еще раз прошу Вас, не оставьте мое письмо без внимания, и ответьте мне. Я гибну.

24/VII 36 г<ода>»².

В августе 1936 — заведующий юридическим отделом Помполита ответил Надае Францевне Гриневич.

<10 августа 1936>

«Н. Ф. ГРИНЕВИЧ

В ответ на В<аше> обращение сообщаю, что с ходатайством по делу В<ашего> мужа Вам надо обратиться непосредственно в Транспортную Коллегию Верх<овного> суда СССР и Прокурору СССР в порядке надзора. Мы же оказать содействие не можем»³.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1505. С. 4-7. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1505. С. 3. Машинопись.